

Культурный герой ≠ Культурный герой

1

Культурные герои и культурные герои отличаются друг от друга, как комсомолец от космонавта. Качество их неизбежного противостояния и определит само-осознание культурной ситуации в отдельно взятом месте с отдельно взятым временем, которое разве что только не на скотч приклеено к этому месту.

Культурный герой – человек, ставший объектом поклонения благодаря своим достижениям. Но нередко это – личности с просто неординарной моделью поведения, обладающие невыдающимися способностями в той области, где они зафиксированы в качестве культурных. Культурный герой часто корректирует свою биографию по мере ее реализации в стороны традиционных сценариев социального успеха (даже при ее драматическом развитии; недостаточность успеха часто к этой драматичности и приводит). Культурный герой почти всегда, думая о любви, на самом деле добивается и жаждет по-настоящему только обожания, и, что характерно, требует его от тех, кого, в сущности, презирает (проблема «художник и толпа»). О культурных героях часто говорят, что они выражают дух времени или поколения, не догадываясь, что у времени нет духа, а только запах, а поколения различаются разве что качеством несбывшихся надежд. Количество поклонников той или иной культурной фигуры может быть разным. Это может быть узкая субкультура, но может быть и население целой страны.

Культурный герой – человек, отрекшийся от удачного сценария личной биографии в пользу судьбы, которая сама по себе почти никогда не драматична, а скучна и обыденна, ибо почти вся замешана на постоянном кропотливом труде. Культурный герой трудится там, где ему выпала судьба родиться фактически и/или творчески. Культурный герой всегда сопротивляется деструктивным «предложениям» цивилизации – алкоголю, наркотикам (органическим, химическим, медийным), маргинальности как стилю бытия, при том, что он окружен ими и практически ничего не может этому противопоставить, кроме как тайной миссии, которой сам же себя и наделяет. Культурный герой – всегда неизбежный провинциал¹. Неизбежность – место, откуда нельзя позволить себе убежать (избегнуть), как бы страшно ни было. Успокаивает одно, что страх, с которым ты остаешься надолго, становится твоей смелостью.

Если короче, то можно сказать так: культурные герои – представляют культуру (как актеры на сцене представляют пьесу), а культурные герои ее составляют (как камешки составляют дом). Еще точнее, они ее – осуществляют, т.е. делают существенной. Можно совсем коротко обозначить эту очевидную альтернативу: культурный герой своим блеском ослепляет, а культурный герой своим светом освещает.

¹ Он сам и производит провинцию как вид неподконтрольного культурного бытия.

Алексей Решетов

Борис Рыжий

Включение этой темы в энциклопедию УПШ имело вескую причину. Большинство художников, с которыми приходилось встречаться, явно или тайно стремились к славе, поклонению, обожанию. Взамен они готовы были предложить свои стихи: хорошие, плохие, очень хорошие или очень плохие. В идеале они алкали всенародной любви, даже не подозревая, что поэзия враждебна народному сознанию а, стало быть, и любому его проявлению (в том числе и массовой любви).

Стать культовыми часто стремятся по собственной инициативе, а иногда такое звание присваивается «молвой», причем в первоначально истекающем моменте эта «молва» очень грамотно инспирируется, а дальнейшее пребывание того или иного персонажа в роли «культового» зависит от качества зомбирования участниками культурного процесса участников культурного процесса (т.е. самих себя). В рамках УПШ имеет смысл поговорить о двух культовых персонажах – А. Решетове и Б. Рыжем. Я хотел бы быть правильно понятым: в данном случае меня волнуют только культурные проекции (образы) поэтов. Конкретика их личной жизни и биографии остается вне моей информационной и моральной компетенции. В данном случае я высказываю свое мнение, чтобы оно просто имело место быть (можно даже без «быть»). На дискуссию я тоже не рассчита-

ваю (она бесперспективна) – со мной достаточно в любом конкретном случае (или же во всех случаях) просто не согласиться.

2

Образ А. Л. Решетова (1937–2003) – драматический. Репрессированные родители. Трудное детство. Всё так. А вот настороженное отношение властей к Решетову – миф. В реальности же А.Р. – самый молодой уральский член Союза писателей СССР со всеми вытекающими отсюда бытовыми последствиями; постоянные публикации подборок и книг в центре и в провинции; при этом – алкоголизм, в зрелом возрасте – просигивание штанов в Пермском отделении Союза писателей в качестве литературного консультанта²; премии, звания, все возможные знаки признания при жизни (*славабогу*), включая «решетовские чтения» в Березниках, где в качестве гостя присутствовал сам поэт (а вот такой расклад мне кажется просто неприличным). А.Р. – лирик классической ориентации, но свои лучшие стихи, которых, мне кажется, не очень много³, он написал с центробежным вектором к этой традиции, более того – с явными модернистскими интонациями, гиперреалистической проработкой образного ряда. Именно это на фоне остального маловнятного текстового массива производит сильное впечатление. (Смотрите также материал об А.Р. на стр. 318).

² Только отсутствие социального темперамента, слава богу, помешало А. Решетову сделаться в те не вегетарианские времена хулителем «новой пермской поэзии», а так он ее просто игнорировал, оставаясь к ней презрительно равнодушен (личное мнение, почерпнутое из общения с поэтом – В.К.).

³ Бытует мнение, что хороших стихов много не бывает – и это нормальное положение вещей. Мне кажется, что это как раз не-нормально. Хорошие стихи – это постоянное состояние поэта. В противном случае мы имеем дело с литератором.

Образ Б. Б. Рыжего (1974–2001) – трагический.

Литературная стратегия поэта развивалась в сторону карьерного понимания им своей социальной адаптации. Творческий потенциал представлял собой в самом начале пути – компилятивный набор, ориентированный на лучшие образцы советской поэзии неоклассической парадигмы. И только после знакомства с поэзией Дениса Новикова Б. Рыжий начинает обретать свой стиль, который, по сути, является в лучших своих образцах деформированной калькой интонаций и психологических конфликтов поэзии Новикова. Выстраивание Б.Р. личных отношений с влиятельными персонажами поэтического сообщества очевидно. Этот способ литературного бытия нельзя признать оригинальным. Но именно он нередко приводит к искривленному пониманию свободы (первоосновы творческого поведения) и, как следствие, личностной деградации. (Смотри также материал о Б.Р. на стр. 329).

И Решетов, и Рыжий исповедовали «упрощенную поэзию», не включающую в себя, скажем так, элементы поэтического хаоса. Освобожденная от онога, именно эта поэзия идентифицируется массовым сознанием как таковая, т.е. как «просто поэзия», после чего иная поэзия считается не подлинной. Для восприятия «упрощенной поэзии» не требуется каких-то особенных усилий, что всегда приветствуется публикой. Именно в этой точке смысл литературы начинает терять свою адекватность. Ведь именно усложненный процесс ее восприятия делает читателя сложнее самого себя, непонятным самому себе и, как следствие, изменяющимся в неподконтрольном социуму направлении, а не соблазненным талантливыми банальностями, моральными штампами и клишированными поэтическими эмоциями, выдаваемыми за «картину мира». Пафос моего высказывания заключается не в том, что культовыми героями выбирают «не тех» (вроде как – не самых достойных), напротив, логика подсказывает, что культовыми героями становятся именно те, кто к этому предрасположен. Сам жанр «культности» попросту диагностирует того или иного персонажа как «своего» и, будучи профанным по определению, вводит в состояние неадекватности абсолютно всё, что попадает в его гравитационное поле.

В свое время мои личные слишком активные действия инициировали создание в Перми «культы» молодого поэта Д. Долматова, погибшего в возрасте 21 года. Стоило только перегнуть «палку скорби», и процесс пошел в сторону «бесконечных поминок», которые ни при каких обстоятельствах не должны становиться логикой культурных сценариев. Недавно в сети набрел на заметку сверстника Долматова, который из сегодняшнего дня

под ником *gvozd_rahmetova* пишет следующее: *«В его (Д.Д.) гениальность я всегда верил средне – примерно, как в коммунизм из книжки. Гениальность ему, безусловно, приписали – по заведенной русской традиции – после смерти. Смерти ранней, но, увы, не сообщающей автоматически литературного дара. Долматов с юных лет вертелся в андеграундной среде. Отец – известный фотограф, мать – журналист; непризнанный в те времена, но все равно знаменитый поэт Виталий Кальпиди – лучший друг семейства. С Митькой возились и по-толстовски «тетешкались» на всех интеллигентских пьянках. Уже в перестройку устроили публикации в «Огоньке» и «Собеседнике» – по одному стишку в коллективных подборках. Он был жизнерадостный, солнечный клоун. Потом Митька вылетел с филфака университета и загремел в армию. Его стихи... В те времена так писали многие. Влияние ленинградского абсурдизма, ранних альбомов «Аквариума» с текстами Джорджа Гунницкого плюс частные уроки подпольного репетитора Кальпиди («Иди, читай Овидия, сынок...») свое дело, безусловно, делали. Но среди Митькиных ровесников было немало равных ему, если не более талантливых. Просто они не были детьми андеграундной номенклатуры и протискиваться в перестроечные публикации-газеты-сборники не могли. В конце восьмидесятых, не имея перед глазами никакого другого опыта и не зная других правил игры (а равно и других игр), деятели арт-подполья, дорвавшись до редакций, издательств и выставочных залов, стали вести себя точно так же, как корифеи коммунистического искусства. Кумовство, агрессия по отношению к «чужакам», желание урвать все и сразу. По-другому они не умели. И не могли. За пару недель до своего окончательного отъезда из города я встретил Митьку, традиционно, на Компресе. Он был в галифе и белой рубашке, на рукаве – следы зеленой и оранжевой гуаши. «Выставку готовили», – он заметил мой недоуменный взгляд.*

Через два года Митька попадет под электричку возле курортного поселка Комарово, возвращаясь в Ленинград с одной очень нехорошей дачи. В том доме жила (может, живет до сих пор) черная муза петроградского андеграунда... Именно в ее доме лидер группы «Ноль» ударил ножом какую-то деваху, после чего несколько лет просидел в Крестах. Оттуда ушел по дорожке в смерть Митька. Чуть позже в Перми выйдет посмертный сборник его стихов с пафосным предисловием и симпатичными иллюстрациями. Сегодня он смотрится нелепо, странно и корявенько, как памятник той странной и корявенькой эпохе...»

Если отбросить тень личных комплексов автора этих заметок, написаны они не без справедливости, во всяком случае, не без некоего стремления к ней.

3

Стоит задержать внимание на одном из атрибутов «культовости» – суициде (вариант: ранняя смерть или смерть, трактуемая как мученическая, несправедливая). Несмотря на очевидную конфликтность с христианскими канонами, «суицид художника» по-прежнему рассматривается оставшимися в живых как элемент «героический»⁴, во всяком случае, связанный с неким «мужеством», при том, что данная психопатологическая акция попросту включает «программу самоуничтожения». Эта «программа» как художественная форма познания мира фантазийно активируется каждым из людей еще на детской стадии формирования личности. Но здоровое сознание использует его как материал познания, а «заигравшееся» – как инструкцию. За редким исключением, у суицида нет абсолютных причин, а есть только поводы, т.е. нестойкие во времени конструкции, исчезающие сами собой, если им предоставить немного этого самого «времени». По своему опыту могу сказать, что достаточно рискованным с точки зрения суицида может быть этап выхода из алкогольной или наркотической зависимости. В этот период человеческое сознание подвергается сильнейшей перестройке (ломке), которая порождает депрессию на фоне абсолютной невозможности представить «пациенту» из «нынешнего ада» свое (очень скорое!) позитивное будущее. Обращаясь к художникам, готовым выйти из-под влияния «стимуляторов смерти» (алкоголя, наркотиков и т.д.): депрессия, отчаяние, которые возьмут вас в клинч на первых порах – яркое обещание того, что произойдет с вами в очень скором времени, но с точностью до наоборот: новые силы, новые возможности, новая жизнь. Надо просто вытерпеть несколько месяцев. Вот на это нужны воля и мужество – эти качества для того и даны нам, чтобы мы научились терпеть. Тот, кто не хочет терпеть, – не мужественен и безволен. Рассматривать эволюцию (в том числе и творческую) нужно не только по вехам достижений человека, но и по тому, от чего человек отказался на пути к своим «личным высотам».

4

Заявив в самом начале альтернативу «культовый герой» – «культурный герой», я в конечном итоге должен предьявить городу и миру именно такого. Но дело в том, что культурный герой – невидим, он инкапсулирован в медийную незаинте-

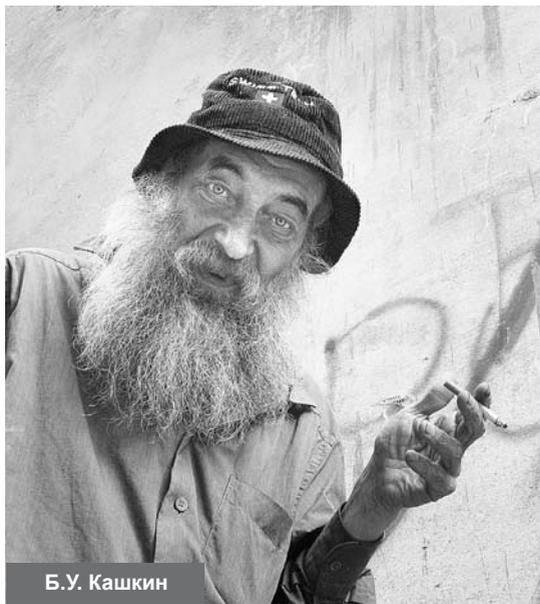

Александр Верников

ресованность им. Его деятельность не *эффектна*, при том, что для личного бытования в культуре эффективность является чуть ли не абсолютным условием. Культурных героев среди поэтов мало – в принципе, а в УШШ в чистом виде их попросту нет, но попытки случались, а некоторые длятся и по сей день.

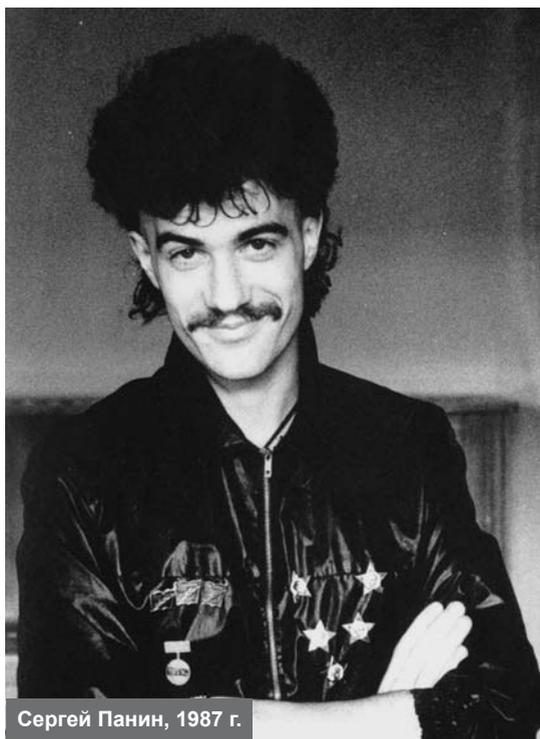
А.С. Верников (Кельт) – мог бы стать культурным героем Свердловска/Екатеринбурга, если бы не так страстно желал стать культовым. Прозаик, поэт, переводчик, педагог, адепт нескольких сектантских форм сознания, при этом – довольно экстравагантный арт-шоумен. На мой взгляд, выбранная им стратегия творческого поведения была сродни «театру теней», причем не своих теней. Все образы, в которые А.В. наряжался, были ему не по росту: чувствовалось, что на самом деле он значительнее и глубже каждого нового сочиненного имиджа. Движущими силами его культурного бытования, на мой взгляд, были и остаются непреодолеваемое одиночество, не-

⁴ Именно суицид художника трактуется как нечто презентабельное (*прости господи*), в отличие от суицида обычного человека. Суицид же, например, в сельской местности воспринимается интеллигентным сознанием как нечто крайне неэстетическое, непонятное, «низкое» явление. Справедливости ради стоит отметить, что большинство самоубийств совершается именно там: например, за 2004–2006 гг. в деревнях было зафиксировано 139000 добровольных уходов из жизни.

Б.У. Кашкин

верие в искренность окружающих его людей и сжигающая жажда творчества, которую он так и не научился насыщать. Но главное (боюсь, что это прозвучит бредом) А.В. «попутал рамсы»: призванный дарить любовь окружающим, он патологически сконцентрировался на поиске любви к себе. Космодром, который использовали как огромную гладильную доску, – вот цена этой ошибки. (Смотрите также материал о А.В. в Приложении к этой статье на стр. 458).

Сергей Панин, 1987 г.

Б.У. Кашкин, настоящее имя Евгений Михайлович Малахин (1938–2005) – свердловский стихотворец, художник, панк-скороморох. Технически он не относится к УПШ, но в свое время пытался влиять на многих ее авторов: таких, как Антип Одов (В. Болотов), С. Мокша, В. Тхоржевская, Р. Тягунов и др. Его деятельность разворачивалась в сторону культурного подвижничества, но очень быстро перешла на уровень традиционного этнографического скороморошества, которое в современном обществе может рассматриваться как маргинальная оппозиция, своей маргинальностью устраивающая это общество и тем самым перестающая реально влиять на культуру как таковую. Безусловно, Б.У.К. совершил революцию внутри себя, но для массового культурного шока этого оказалось мало: впечатляющий грохот даже сотни поэтических петард не заменит реального взрыва. Несмотря на легендарное действительности и жизни Б.У.К., в памяти остались нелепые милые несуразности, непреходящую ценность которых с годами подтверждать все труднее и труднее. С другой стороны, не исследованы харизматические интервенции Старика Кашкина в сознание молодых свердловских поэтов, и тут его влияние может оказаться неоспоримо героическим. (Смотрите также материал о Б.У.К. в Приложении к этой статье на стр. 462).

С. Панин (Сергей Дадаграф) – пермский литератор, акционист, лидер объединения «Одекал», издатель-дилетант, философ-дилетант; человек с изумительной харизмой, бескорыстно преданный культуре, точнее – ее наиболее свободным формам самовыражения (как они понимаются самим С.П.). Всегда тяготел к созданию арт-группы как наиболее эффективному (с точки зрения С.П.) роду культурной деятельности. По самоотверженности, аскетичности и длительности творческих усилий, безусловно, претендует на роль культурного героя. Но изначальная келейность, я бы даже сказал сектантство в части структурирования процесса, не могли периодически не выбрасывать С.П. и К° на обочину профессионализма. Именно отсюда и ориентация на до-индивидуальные образцы творчества, выводящие С.П. из-под обстрела профессиональной критики. Исповедование концепции «культура как игра» закрепило за С.П. и К° «подростковую адекватность» их арт-действий, которая по мере взросления апологетов этой установки не могла не перейти (исключительно по возрастным причинам) в «подростковую неадекватность». Игра – это форма обучения неокрепшего детского сознания чему-то такому, что призвано его (сознание) укрепить и отправить в хаос взросления. Но когда форму обучения (игру) пытаются сделать содержанием и структурной основой эстетического

Николай Болдырев, 2003 г.

сценария жизни, то налицо «задержка развития» со всеми не вытекающими отсюда последствиями, доводящими эту задержку до культурного аутизма. Тема жизни и искусства – Любовь и Смерть. И если со Смертью еще можно поиграть (правда, с предсказуемым финалом), то играть в Любовь (или с Любовью) не получается по причине того, что она по определению исчезает, как только начинается игра, ибо это не ее воздух. Любовь не играет, а любит, или ненавидит, когда ей не позволяют любить. Такие дела⁵.

С.П. мог бы стать «культурным героем», более того, по сути, он является таковым, но вокруг него совсем нет публики, готовой оценить и воспринять его героические усилия. С другой стороны, еще Ганди сказал: «Сначала вас не замечают, потом над вами смеются, потом борются с вами. А потом вы побеждаете». Так что надежда есть, если, конечно, Надежда – это не название игры, которую Безысходность ведёт с человеком. (Смотрите также материал о С.П. на стр. 499).

Н.Ф. Болдырев – челябинский поэт, эссеист, переводчик. На протяжении многих лет он как ниндзя ведет невидимую борьбу с косностью и дилетантизмом челябинского культурного ландшафта. Н.Б. не уехал в Москву-Питер-загранку, не спился, не стал позиционировать себя непризнанным гением, в результате чего, опять же, не

спился и не опустился, а с настойчивостью отбойного молотка долбил серое вещество челябинского народонаселения, которое (вещество) напоминало, да и продолжает в массе напоминать, спекшийся асфальт дорожного покрытия, идиотизм которого обновляется каждый год после весенней распутицы. Свое пустынное одиночество Н.Б. пытался компенсировать общением с поклонниками-поклонниками, желания иметь которых всегда стеснялся; но разве одиночество можно компенсировать, когда оно является единственным топливом и условием творческих рефлексов? Постоянная, ежедневная работа, бытовая аскеза, непоколебимая верность юношеским идеалам, удивительная робость, снимаемая порой приступами детской заносчивости, патологическая недооценка окружающими его усилий... – вот воздух, в котором Н.Б. живет десятилетиями. Последний его труд – собрание произведений Р.-М. Рильке в семи книгах в переводах и с комментариями Н.Б., изданное им самим, – выглядит титаническим. Не могу удержаться, чтобы не сказать, что лично меня творчество Н.Б. удивляло своим «славянским варварством»: тонкие межкультурные ассоциации и дремучая архаика; высокопарный, фундаментальный стиль мудрецов с «философского парохода» и стилистическая безвкусица; метафорическая вязь, изяществом и проникновенностью сравнимая разве что с испанской поэзией первой половины XX века, соседствует в рамках одного стихотворения (а иногда даже внутри строфы) с такой махровой «кантемировщиной», что впору уже не возмущаться, а восхищаться такой последовательностью в разрушении элементарного стилистического контекста. Гениальный художник работает на будущее. Мудрец заставляет будущее работать на себя, и каким он способом это делает, не так уж и важно. Относится ли это к Н.Б.? Кто знает. Я и так сказал больше, чем положено, хотя меньше, чем нужно. (Смотрите также материал о Н.Б. на стр. 76).

5

Претендентов на роль культурных героев в границах современной уральской поэзии – много. И большинство из них неопознано и никогда опознано не будет⁶. И в этом тоже их героизм.

В. Кальтиди

⁵ Узнав на практике личного общения по-театральному склочный характер нашего героя, позволю себе успокоить его возможные претензии, появляющиеся подчас на пустом месте, заявив, что УПШ ни в коем случае не пытается даже теоретически «приватизировать» деятельность С. Панина и группы «Одекал», а рассматривает ее здесь и далее потому, что эта некая поэтическая реальность, стусившаяся в пермском месте в те годы, была зафиксирована нашей издательской деятельностью коллективным сборником «Одекал» (в серии «КПП») и подборкой в 1-м томе «Антологии СУП». Этот факт и ввел С. Панина и К⁰ в контекст УПШ – не более того.

⁶ Именно по этой косвенной причине нельзя культуртрегереров, почти всегда находящихся на виду, причислять к «культурным героям».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1***Александр Верников «САМ О СЕБЕ»***

1. Я родился по документам 30-го апреля 1962-го года в г. Серове Свердловской области в перекрестке 60-й параллели с.ш. и 60-го меридиана в.д., но по признаниям мамы, сделанными перед папиной смертью в январе 06-го года этого века – чтобы он мог уйти с легкой душой – «выяснилось», что «на самом деле» я появился на свет 30-го марта 1952 г. в г. Безенчук Куйбышевской (ныне Самарской) области, на берегу Волги, и в полумесячном возрасте во время грудного кормления впал в кому, или, как тогда говорили, в «летаргический сон», и провел следующие 10 лет в спецсекретном учреждении Минздрава СССР под наблюдением военспецов благодаря серьезным связям отца с военными медиками после его работы переводчиком при комендатуре одного из городов советской оккупационной зоны Германии (с августа 1945-го до образования из нее в 1949-м ГДР), которую возглавляла женщина – полковник медслужбы Е.Е.Серкова. Когда мама поведала мне этот факт, мне тоже сразу стало легче на душе – получило простое, пусть и почти невероятное, объяснение то чувство, что я с самого детства, сколько себя помнил, стойко ощущал себя значительно старше всех своих сверстников, а в студенческой юности дружил с людьми, бывшими по документам на 10–25 лет старше себя.

2. В 1969-м году пошел в первый «А» класс средней общеобразовательной школы № 20 г. Серова.
3. В октябре 1970-го был отдан в обучение английскому языку бывшей сталинской ссыльной, петроградской немке из соседнего подъезда Валли Павловне Россмеер, являвшейся на самом деле не немкой, а последней в роду одной из ветвей евреев, изгнанных Альгамбрским декретом 1492 года, года открытия Колумбом Америки, из Испании, добравшихся до Норвегии, там смешавшихся с местным населением и уже оттуда перебравшихся сначала на о. Рюген в Балтийском море, а затем осевших в Санкт-Петербурге. Меня всегда удивляла смуглота ее кожи, не характерная для нордической расы – в сочетании со светлыми глазами и носом с горбинкой. Мое обучение окончилось со смертью Валли Павловны в возрасте 82-х лет в ноябре 1978-го года, когда я был уже в 10-м классе школы. Я был ее последним «полным» учеником, и к моменту ее ухода из жизни свободно говорил (пусть и с легким акцентом), читал и писал по-английски, и даже перевел с сохранением размера и рифм на английский несколько ранних стихов В. Маяковского – о войне. Толчком к этому послужила кратковременная интервенция КНДР во Вьетнам в начале 1979-го года и особая переполненность не только половой энергией, кото-

рой просто не нашлось лучшего применения (писать портреты маслом на холсте я к тому времени бросил, убедившись, что хоть и окончил ДХШ с ее первым в Серове выпуском 1975 года, великого художника из меня не выйдет – как и прыгуна в длину и высоту по сугубой средности роста и из-за того, что наш тренер, бывший член сборной России по десятиборью, угораздившийся жениться на серовской девушке, встретив ее на одном из черноморских пляжей, – уехал в начале лета 1978-го в Свердловск, тренерствовать в открывшемся там спортинтернате для особо одаренных детей – на повышение и чтобы не спиться окончательно). Тогда же, в 1979-м, у меня появился первый в жизни ученик – тезка Александр Шабуров, бывший двоечник по английскому из параллельного «Б» класса, которого его мать-одиночка отдала в обучение Валли Павловне за 2 года до того, когда стало ясно, что выпускные экзамены по иностранному он сдать не сможет. Шабуров денег за уроки – также 2 раза в неделю по 2 академчаса, как покойной В. Россмеер – мне не платил, но по окончании курса и успешной сдачи выпускных экзаменов отблагодарил меня очень странным подарком – подарочным изданием романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», которого я так и не прочел, а лишь пролистал, негативно оценив иллюстрации и лишь еще узнав впоследствии через писательствующего критика Вячеслава Курицына, что в первом варианте романа зачинная фраза была куда лучше той, что стала крылатой – несмотря на ее неприличную для таких фраз долготу – «В Москве была выставка скота».

4. В августе 1979-го поступил на факультет иностранных языков Свердловского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института – туда же поступил и мой земляк и ученик Александр Шабуров, но окончить его с дипломом все-таки не смог.

5. В феврале 1981-го, после зимней сессии, получил выговор за 72 часа пропусков занятий и официальное свободное расписание для перехода со 2-го курса на 4-й, со сдачей всех необходимых зачетов и экзаменов экстерном в связи с несоответствием программы инъязы пединститута моему уровню знания английского языка.

6. В мае того же года состоялась первая и последняя вербовка в ряды секретных осведомителей КГБ, которая не удалась из-за чистосердечного признания в том, что уже завербован более старым и могущественным нашим ведомством – ВРЛ – и в доказательство предъявил три своих первых, незрелых, еще подражательских, со следами «Зависти» Олеси, рассказы.

7. В августе 1981-го года написал от руки на желтых листах формата А4 первое полностью самостоятельное, фантастически реалистическое произведение – рассказ в прозе «Федоров и Григо-

рьев», где прообразом Федорова выступил мой одноклассник и первейший в Свердловске друг Игорь Александрович Богданов, родом из села Петро-Каменское, но фактически из атомного технополиса Заречного, впоследствии ставший единственным в России оригинальным продолжателем поэтической традиции Заболоцкого периода столбцов и своего тезки Северянина-Лотарева, оказавшись конгениальным им обоим, – в особенности в цикле больших стихотворений «Про Федорова», не раз публиковавшихся в различных местных и столичных сборниках и антологиях. Моими одноклассниками стали также сделавшиеся впоследствии писателями и профессиональными переводчиками Василий Дорогокупля, Олег Мичковский и Евгений Мусихин.

8. 3-го октября 1981-го я был введен в дом – точнее на кухню – крупнейшего из ныне живущих русских поэтов-женщин Майи Никулиной, и наша тесная дружба с нею длится уже более 30 лет, вероятно, во многом благодаря тому, что мне там почти сразу дали очень удачное прозвище Кельт. Давно известно, что от имени зависит очень многое. И тут дело не в бездумно повторяемой всеми вслед за всеми максиме про «корабль, который как назвать, так и», но просто в том, что этимологически слово «имя» в нашем языке есть не что иное, как вариант «имения»: первого и надежнейшего, практически неотъемлемого от жизни и сознания, имения еще голого и беспомощного человеческого существа.

9. В декабре 1982 г. написал первый из впоследствии опубликованных рассказов, за которые мне не стыдно и теперь, по прошествии 30 лет – «Дом на ветру» – именно о доме Майи Никулиной, служившим настоящим кухонным литературным салоном Свердловска на протяжении всей Брежневско-Андроповской эпохи; прототипом анонимного главного героя рассказа выступил живший через двор от Никулиной, над овощным складом продуктового магазина и через стенку от общественного пункта охраны правопорядка (ОПОП), Константин Николаевич Мамаев, первый в Свердловске философ-хайдеггерианец, толкователь с этих позиций нецензурных стихов Катулла, мастер хатха-йоги и сыроедения, переводчик с немецкого и японского технических текстов, китаист и японист, скульптор-древорез и черноморский каллиграф и переплетчик, единственный и единоличный представитель, по классификации М. Эпштейна, секты «вещетворцев» тогдашнего СССР, внук рижского раввина и кузины врача-бактериолога Ильи Ильича Мечникова, автор трех ни на что не похожих книг об искусстве частной жизни, таких как «Деревянный рай» (с предисловием А. Битова и послесловием В. Курицына), «Театр, как сценическое действие» и «Письмо и речь» (о китайско-японской калли-

А.В. в первом классе с сестрой Зинаидой.

графии и ее онтологических преимуществ перед буквенным письмом). Смысл и пафос рассказа был в том, что даже такой сказочный монстр не смог однажды устоять против горевших сквозь всю ночь окон в четвертом этаже дома напротив – через 10 лет после того, как впервые стал замечать их свет из низкого и темного окна той комнаты, где мучительно и долго отходила его железная старуха-мать, и явился как раз тогда, когда «мы», молодые оруны-гении-пьяницы-завсегдатаи, отмечали поминки по трагически убившемуся накануне в Севастополе легендарному крымскому археологу и горноспасателю, любимейшему другу Майи, Геннадию Шнайдеру, которому своим физическим существованием обязан музей писателя-парусника Александра Грина в Феодосии. «Замена» оказалась во всех отношениях знаковой.

10. В июне 1984 г. получил диплом об окончании факультета иностранных языков Свердловского ордена «Знак Почета» государственного педагогического института – вместе со своим, изначально родным курсом, так как перевод на курс вперед, несмотря на успешную сдачу всех необходимых дисциплин, не состоялся, официально из-за бюрократической препоны на уровне Министерства высшего образования СССР, а фактически из-за моего отказа сотрудничать с КГБ, лишившегося не только сексота, но и перспективного разведчика-резидента в зарубу странах в лице потенциального агента Апрельского (смуглый майор-вербовщик предложил мне взять себе, долго не мудрствуя, служебную кличку по месяцу рождения, мол и неприметно, и генотипу внешности вполне соответствует, т.е. гораздо больше, чем тоже неприметные Иванов или, пусть даже Серов, по месту документального рождения). Тогда же вместе с дипломом я получил распределение – дабы избежать срочной полуторогодичной службы рядовым в СА – учителем английского и немецкого языков в средней школу лесозаготовительного и деревообрабатывающего поселка Бурая Глина (в стратегическом атласе ж.д. дорог фигурировав-

шего как Сотрино, очевидно, как и Сан-Дonato под Нижним Тагилом, итальянского по названию происхождения, но расположенного значительно ближе по той же ветке к родному металлургическому Серову, между ним и болотно-таежной, лагерно-исправительной Сосьвой, минуя тогда еще тоже сплошь колонизированное под малолеток Верхотурье, в 10 верстах от Меркушино, если прямо через лес по нынешней тропе Праведного Симеона; именно там, из-за резкого внешнего и личностного отличия от местного населения мне было впервые прямо указано на разительное сходство с актерами кино Челентано и/или Аль-Пачино, и впоследствии этот невольный и, в общем, невинный, наговор сказывался на мне все более, и чем дальше, тем все чаще меня принимали за все больших иных – то за актера же Валерия Золотухина, то за певца-эстрадника Валерия же Леонтьева, а то и вовсе усматривали сходство сразу с двумя педерастами, мучениками совести европейской культуры прошлого и позпрошлого веков – писателями Оскаром Уайльдом и Марселем Прустом).

11. В августе 1985-го уволился из Сотринской средней школы официальным приказом Минобра СССР из-за профзаболевания – ларингофарингита, полученного якобы из-за перенапряжения голосовых связок в ходе классного преподавания, а на самом деле из-за усиленной симуляции с поеданием столовыми ложками литров снега в период осени-весны и немедленной последующей демонстрацией временной осиплости участковому врачу и отоларингологам районной больницы г. Серова, в том же самом ее отделении, где в возрасте паспортных 5-ти лет мне были удалены миндалины из-за действительно неизлечимых в ту пору жизни воспалений горла и хронических анги.

12. В январе 1986-го устроился учителем в среднюю школу села Писанец Красногвардейского района Свердловской обл. – с графиком 3 рабочих плюс 3 выходных дня и день на дорогу в Свердловск и обратно. В ночь с 1-го на 2-е сентября 1986 года, оставив открытым предоставленный сельсоветом для жилья бревенчатый дом (половину дома о трех комнатах, с двумя русскими печами, центральным отоплением и газовой плитой, но – в отличие от сотринского жилья – без водопровода и канализации), придавив навесным замком заявление об увольнении, бежал ночью через лес на жд. станцию Упор, откуда прибыл поездом в г. Артемовский (жд. станция Егоршино) и явился в райвоенкомат просить о возможности поступить на срочную службу в ряды СА с начавшимся осенним призывом.

13. В 20-х числах ноября 1986-го оказался среди новобранцев в первой роте в/ч 61207, сержантской учебке жд. войск на углу улиц Пехотинцев

и Автомагистральной г. Свердловска, где месяц спустя принял военную присягу с автоматом Калашникова в руках.

14. 9-го сентября 1987 года вступил в официальный брак с золотоволосой Натальей Васильевной Пестовой – тогда «молодой» преподавательницей инъяза Свердловского пединститута, а ныне его директором, доктором филологических наук, академиком и президентом ассоциации германистики всяя Руси; по случаю бракосочетания был отпущен из части в недельный отпуск.

15. По возвращении в часть был тотчас откомандирован для дальнейшего прохождения службы в г. Тюмень – из-за приказа тогдашнего Минобороны Язова, предписывавшего всем солдатам и сержантам СА, проходившим службу ближе 500 км от места призыва, быть высланными за эту черту. Из Тюмени был переправлен в Тобольск, затем в экспертное отделение Тюменской областной клинической психиатрической больницы, где имел свободный выход в город, отдельный кабинет с пишмашинкой и возможность участвовать на правах совещательного голоса в консилиумах врачей, где и спознал с изобретателем вечного двигателя селькупской национальности Александром Иннокентьевичем Агилевым, а затем был направлен дослуживать сначала в г. Минусинск Красноярского края, а оттуда выехал с путейским батальоном на «трассу» в Хакасскую АССР, на станцию Мана, где и закончил службу в звании ефрейтора и в капитанской должности и.о. заместителя командира батальона по тылу, руководя ходом строительства новой столовой для личного состава.

16. В январе 1988-го, во время нахождения в экспертном отделении ТОКПБ, состоялась первая публикация – двух больших рассказов – в толстом литературном журнале, в «историческом» и экспериментальном номере 1 журнала «Урал», где впервые также опубликовались такие ныне известные литературные деятели России, как А. Застырец, В. Кальпиди, А. Калужский, И. Кормилцев, и т.д. С тех пор регулярно публиковал прозу, стихи и переводы с английского и немецкого в российской литературной периодике и в отдельных персональных книгах, которых вышло за отчетный период 5,25 шт.

17. По демобилизации, в июне 1988-го, разошелся с Н.В. Пестовой, получив официальное свидетельство о разводе лишь 5-го февраля 1990-го, в 30-й день рождения И.А.Богданова.

18. 24-го апреля 1991-го года зарегистрировал брак с уроженкой г.Омска гражданкой Трубецкой Ириной Борисовной, предки которой осели в городе на р. Иртыш, повлекшись в Сибирь за адмиралом Колчаком в Гражданскую войну 1918–1922 гг. Свадьба была сыграна в тот же день в большой редакционной комнате первого эта-

жа Средне-Уральского книжного издательства (СУКИ), явившись одновременно презентацией вышедшей накануне в нем же первой книги прозы «Дом на ветру», оформленной тонким графиком С.Копыловым. Этот брак, оказавшийся счастливым и прочным, несмотря на несколько больших и остросюжетных романов с участием обеих сторон, длится до сих пор, и в нем в декабре 1991-го родился сын Григорий, а в июне 1993-го – сын Александр, кои благополучно выросли и стали самостоятельными людьми.

19. В ночь с 31-го августа на 1-е сентября 1991-го пережил первое многочасовое шаманское восхищение, которых по настоящее время имел еще около сотни.

20. Осенью 1991-го мне – во всех состояниях сознания: бодренном, сонном и измененном шаманскими растениями наших мест – начал являться преподобный Бл. Франциск Ассизский, неизменно указуя перстом пробитой насквозь длани на православный храм, что вынудило меня в феврале 1992-го принять Святое Крещение и на 9 месяцев стать истово церковным человеком, еженедельно исповедовавшимся и причащавшимся. Тогда же в частных беседах я стал говорить о своем глазном астигматизме времен отрочества как о невозможности иметь т.наз. стигматы, т.е. язвы Христовы, которыми был отмечен и прославлен именно Бл. Франциск.

21. В феврале 1993-го почувствовал физическую невозможность продолжать приобщаться Святых Даров и после исповеди в московском храме Покрова Богородицы, на задах здания КГБ на Лубянке и против магазина «Рыба», получил от его настоятеля отца Георгия Кочеткова отпуск от церкви и благословение на подвиг юродства – длящийся и по сей день.

22. В ночь с 5-го на 6-е июня 1999-го, в канун 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина, написал первое стихотворение, после чего писал и публиковал только стихи на протяжении почти 7 лет. Через 2 месяца после той ночи обнаружил в кармане брюк, запустив туда руку ради извлечения мелочи для расплаты в овощном киоске, сразу 3 юбилейных рубля с профилем великого тезки и предшественника, а спустя 6 месяцев «жизнь поэта», начавшаяся в парадоксальном и неприличном для этого возрасте 37 лет по паспорту, привела к резкому обнищанию семьи и вынудила пойти на гражданскую службу – впервые с середины 80-х гг. прошлого века. Местом службы преподавателем художественного и газетного перевода стал факультет лингвистики Екатеринбургского института международных связей (ИМС), в штате которого, в должности неостепенившегося старшего преподавателя на старших же курсах, состою по сей день.

А.В. с женой И. Трубецкой

23. В 2004-05 годах на протяжении полугода служил переводчиком для сотен российских паломников, искавших Просветления в штате Андра Прадеш на юге Индии в ашраме Бхагавана Кальки (земное имя Виджай Кумар Найдю) и его супруги Аммы, считающихся десятым воплощением (аватарами) верховных божеств Вишну и Парвати и почитаемых в этом качестве десятками миллионов индусов и миллионами людей со всех континентов. В ходе общения с самими аватарами и их многочисленными монахами и монашками получил окончательное осознание, что сам являлся просветленным с пятилетнего (по документам) возраста.

24. Ну и т.д.

25. Всем, кто заинтересуется вышеоочерченной судьбой и пожелает в больших подробностях и тонкостях узнать о жизненном пути существа, о коем мне все еще приходится говорить чаще всего в первом лице, – отсылаю к трилогии под названием «Зови меня так: откровения Серафима Серовского», находящейся в процессе написания: планируются три тома, общий объем которых должен составить нечто среднее между произведениями отечественной классики «Былое и думы» А.И. Герцена и «Война и мир» Л.Н. Толстого. На данный момент завершена лишь книга первая, размером около 35 авторских листов (1 376 683 знаков и пробелов).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Виталина Тхоржевская «О БУКАШКИНЕ»

В ранней юности я много тусовалась у Букашкина, принимала участие в разного рода акциях – и рисуя картинки, и играя на домре, балалайке и гармошке, и читая стихи. Кашкин был резким на язык человеком, умел задеть «за живое». В конечном счёте, он и меня так задел, что я не стала у него больше появляться. Уточню сразу: в 20 лет я вышла замуж, переживала «кризис» – и в личной жизни, и в творчестве; встретив меня на улице, он как-то очень недобро (как мне показалось) сказал: «Ну что? Замуж вышла – больше не пишешь?». И всё. Этого тогда было достаточно для «больно», но, конечно, это «пустяки, дело житейское», по гамбургскому счёту.

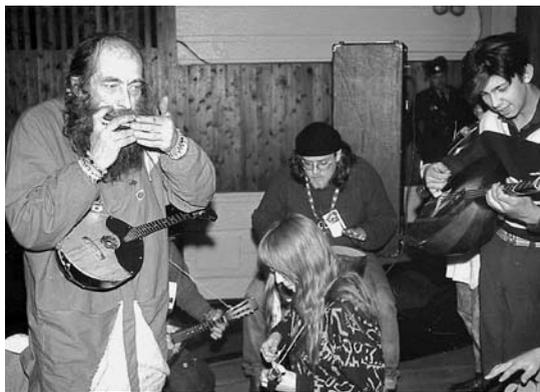
При мне в «кашнике» читали: Антип Одов, Теодор Цапля, Мак-Мэрфи, видимо, Костя Уваров (у меня в архиве есть очень трогательные фотки, где они с Кашкиным разыгрывают сэйшен перед полубеспризорными детьми с Ленина, 11), наверное, читала Катюша Дерун. Сейчас с ходу вспомнить не могу, но Кашкин всегда легко подключал людей к представлению «по ходу». Я ездила в октябре 1988 г. с Кашкиным на «официальные» гастроли в Пермь, а позже неофициально притусовывалась с друзьями к «Кашнику» на рок-фестивалях в Новосибирске и на череповецком рок-фестивале в 1990-м («притусовывались», чтобы бесплатно пропускали на концерты, при этом, конечно, мы активно участвовали в выступлениях – как музыканты), хотя нет, в Новосибирске я «официально» выступала с рок-группой «Сара Гопату и её бедные дети». Для меня «кашник» – место дорогих воспоминаний, через него я познакомилась и подружилась со многими хорошими людьми. В частности, с Ларисой Непомнящих (один из самых светлых людей в моей жизни, крёстная мать обоих моих детей), которая, приезжая ко мне в гости в Свердловск, ВСЕГДА чуть ли не первым делом шла в «кашник». Она очень нежно относилась к Старику Кашкину. Там много времени проводили мои сверстницы Ксюша Устюжанинова, Надя Шукаева и другие. «Оптом» он нас звал «дрянь-девки» и был с нами по-стариковски добродушен. Из старшего поколения я там познакомилась и до сих пор дружу с Катями – Дерун и Шолоховой, дружила и с покойным Вовчиком Болотовым. Кроме того, там же мы подружились с жизнерадостным, неунывающим Диком (Валерой Васильевым), он жил по соседству со мной и заходил запросто («У меня у тебя трёхразовое питание – по понедельникам, средам и пятницам»). Но я его была рада видеть всегда, он был лёгкий человек, одиночество скрашивал, а жить-писать-думать-читать не мешал). В общем, «каш-

Евгений Малахин, будущий Старик Букашкин

ник» был местом интересных встреч с будущими друзьями и приятелями. Там же, по-моему, мы и Мокшу увидели. В общем, это, как и Ленина, 11, было место, где, как мне кажется, бывали «все».

Что сказать о Кашкине? Мне кажется, он был гениальным менеджером. Посмотреть хотя бы на балаган с точки зрения театральной режиссуры: при приближении к его физическому центру человек оказывался «на сцене», просто отходя в сторону – «в зрительном зале». Мне всегда нравилось перемещаться по ходу «туда-сюда». Я думала о том, как он отбирал номера: скрипач Аминов, который играл, стоя на голове, политизированный, красный и вечно озабоченный Мак-Мэрфи,

Б.У.К. и группа «Картинник»

Под чутким руководством Б.У.К. молодые художники расписывают стены домов

громкоголосый Одов, заикающийся Шабуров, я с моими косичками и патологической детской серьёзностью, и балаган, вращающийся кругами-хороводами. Всё это жило – ярко, празднично, мгновенно, как узоры в калейдоскопе. Ещё был подвал, куда мы приходили общаться, где он любому, каждому мгновенно подыскивал дело. После первой учительницы, внушившей мне, что рисовать я не могу и не умею, он сумел переубедить меня своими досочками, как-то тоже очень легко и ненавязчиво. Я стала много рисовать в свободное время и с удовольствием медитировала таким образом лет до 25, когда уехала в Москву.

Поэтому я не слишком-то рассматривала его личность с критической точки зрения: человек жил, действовал, творил. Я тоже жила и стихотворила, что нам было делить? Он сам делал музыкальные инструменты, упрощал до полной доступности домровый и балалаечный строй. Сидя и строгая что-то, «фильтровал» вслух поэтические заготовки. Всё это было так естественно. Я его уважала и уважаю. На моих глазах человек вёл достойный образ жизни и организовывал «правильные» (с моей т.зр.) проекты. Его личной жизнью и раз-

ного рода материальными вопросами я никогда не интересовалась, просто потому, что это было вне сферы моих тогдашних (возможно, и сегодняшних) интересов. Есть одно личное, запомнившееся воспоминание. Сидит Кашкин, что-то там пилит-строгает, тихо сам с собою ведёт беседу (может, совесть мучает, кто знает), я сижу рядом, рисую досочку. «Вот, говорят мне, я плохой, такой-не такой, намазанный-сухой... Ну да, я такой... Зато – живой!...» Он не рисовался (а, может, и рисовался отчасти – как, уходя из дома, показываешь себе в зеркале язык, ерошишь волосы: как рисуется человек сам перед собой, чтобы утешить и ободрить), было в этом тоне что-то сродни тому, как вспоминала его жена: «Неужели Я умираю?» Я очень уважаю людей, которые любят и ценят жизнь, безмерно уважаю.

Какой он был человек? Откуда я знаю? Наверное, тяжёлый, скорее всего, «недобрый», но он вёл «правильный образ жизни» и делал нужное дело. У творческих людей – своя доброта, свои правила. Я Кашкину – не судья. Я ему благодарна...

Екатеринбург, 2013 г.